

История бриттов

1. Часто и помногу о многом про себя размышляя, я наткнулся мыслью и на историю королей Британии и подивился тому, что, помимо упоминания об их правлении в давние времена, которое содержится в обстоятельных трудах Гильдаса и Беды¹, я не нашел ничего о королях, живших до воплощения Иисуса Христа, ничего об Артуре² и многих других после воплощения Христова, хотя свершенные ими деяния достойны славы во веки и многие народы их помнят и о них повествуют³, как если бы они были тщательно и подробно описаны.

2. И вот, когда я думал об этом и стремился доискаться причины этого, архидиакон Оксенфордский Вальтер¹, муж отменно сведущий в искусстве красноречия и в иноземной истории, предложил мне некую весьма древнюю книгу на языке бриттов, в которой без каких-либо пробелов и по порядку, в прекрасном изложении рассказывалось о правлении всех наших властителей, начиная с Брута, первого короля бриттов, и кончая Кадвалладром, сыном Кадваллона. Поддавшись его увещанию и не собирая в чужих садах сладкозвучных слов, но довольствуясь деревенским слогом и собственным пером, я постарался перевести сочинение это на латинский язык. Ведь, заполнив страницы высокопарными выражениями, я нагнал бы на читающих скуку, поскольку им пришлось бы дольше задерживаться на раскрытии значения слов, чем на понимании хода событий.

3. Итак, Роберт, правитель Клавдиоцестрии¹, прими благосклонно этот ничтожный мой труд, дабы при твоём просвещенном содействии, под твоим присмотром он был исправлен и преобразован настолько, чтобы все могли счесть его не проистекшим от Гальфрида Монмутского, но творением тонкого вкуса твоей Минервы² и о нём говорили, что он создан тем, кого породил преславный король англо³ Генрих⁴, кого философия обучила свободным наукам⁵, кого прирожденная доблесть в ратных деяниях поставила во главе воинов, из-за чего остров Британия ныне, в наши дни, обретший в тебе как бы второго Генриха, приветствует тебя от глубины души.

4. Приложи усилие и ты, Галеран, правитель Меллента¹, вторая опора нашего королевства, чтобы это произведение, над которым потрудились мы оба и которое ныне предается гласности, воссияло возможно ярче. Ведь тебя, отпрыска знаменитейшего королевского рода Карла², мать Философия, приняв в свое лоно, наставила в глубокомысленных науках своих, а затем, дабы ты прославился в ратном деле, направила в стан королей, где, превзойдя отвагой своих сотоварищей, ты под руководством отца постиг, как внушать страх врагам и быть оплотом для своих. Итак, будучи для своих надежным оплотом, возьми и меня, твоего почитателя, составившего эту книгу для утехи твоей, под свое покровительство, дабы, покоясь под сенью столь могучего древа, я мог пред завистниками и порицателями уверенно извлекать сладостные звучания из свирели музыки моей.

5. Британия, прекраснейший из островов, лежит в западном Океане, между Галлией и Ибернией¹, простирается на восемьсот миль в длину и на двести в ширину и с неубывающим плодородием доставляет смертным все, в чем они испытывают нужду. Обильная всякого рода металлами, она обладает широко раскинувшимися полями, а также холмами, пригодными для богатого урожаями

земледелия, на которых благодаря щедро родящей почве в подобающее им время вызревают всевозможные земные плоды. Обладает она и полными самым различным зверем лесами, в которых на прогалинах и перемежающихся с ними пастбищах для домашних животных произрастают травы и цветы различной окраски наделяют медом прилетающих сюда пчел. Обладает она и лугами, зеленеющими в прелестных местах на склонах вздымающихся высоко в небо гор, и прозрачными родниками на них, которые сверкающими потоками струятся с легким журчанием, навевая сладостную дремоту тем, кто прилег на их берегах. Орошают остров также озера, богатые рыбою реки, и от южных его побережий, откуда отплывают корабли в Галлию, протягиваются, как три руки, три знаменитых реки, а именно Темза, Сабрина и Хумбер, по которым из заморских стран тем же водным путем доставляют товары. Некогда украшали остров двадцать, даже двадцать восемь значительных городов, из коих иные лежат в развалинах в опустошенной местности, тогда как другие, и посейчас нерушимые, заключают в себе воздвигнутые различным святым прекрасные храмы с башнями, взнесенными на огромную высоту, и в эти храмы стекаются толпы верующих мужчин и женщин, смиренно, в согласии с христианским учением взывающих к Господу. Наконец, обитает на острове пять народов, а именно норманны, бритты, саксы, пикты и скотты². Исконные его обитатели бритты некогда занимали земли от моря до моря, пока Бог не покарал их за надменность и им не пришлось отступить под натиском пиктов и саксов³. Нам остается еще разъяснить, каким образом и откуда прибыли бритты, дабы впредь к этому не возвращаться.

6. По окончании Троянской войны Эней, спасаясь после падения Трои с сыном Асканием, прибыл на корабле в Италию¹. Радужно принятый там царем Латинном, он возбудил против себя ненависть Турна, царя рутулов²,

и с ним сразился. В этом поединке Эней одержал верх над Турном и, убив его, овладел царством Италией и получил в жены Лавинию, дочь Латина. По кончине Энея облеченный царскою властью Асканий основал Альбу³ на Тибре и породил сына, имя коему было Сильвий. Последний, поддавшись соблазнам тайной любви, вступил в связь с племянницей своей бабки Лавинии⁴, и девушка от него зачала. Когда об этом узнал Асканий, его отец, он повелел своим прорицателям установить, младенцем какого пола беременна девушка. Дознавшись истины, прорицатели объявили, что в чреве у нее мальчик, которому суждено умертвить своего отца и свою мать, и что, обойдя изгнанником многие земли, он достигнет в конце концов вершины славы. Это прорицание не обмануло их. Ибо, когда наступил срок родов, женщина произвела на свет мальчика и, рожая его, умерла. Его отдали на попечение повивальной бабке и нарекли Брутом.

Впоследствии, по прошествии трех пятилетий, подросток сопровождал как-то отца на охоте и убил его нечаянно выпущенной в него стрелой. Ибо, когда слуги погнались на них стадо оленей, Брут, стараясь поразить дичь, пронзил своего родителя насмерть, попав ему в грудь.

7. По смерти отца Брут подвергся изгнанию из Италии, ибо все родичи были возмущены столь непостижимым его злодеянием. Покинув родину, он достиг областей Греции и набрел на потомков Гелена¹, сына Приама, которые, пребывая во власти царя греков Пандраса, томились у него в рабстве. Ведь после разрушения Трои Пирр, сын Ахилла, привел с собою названного Гелена и с ним вместе многих других закованных в цепи и, дабы отмстить на них гибель отца, приказал держать их в заточении. Установив древнее родство, Брут остался среди троянцев. Он настолько возблистал своими воинскими деяниями и своей доблестью, что привлек к себе большую любовь царей и властителей, чем кто-либо иной из юношества этой земли. Был он между мудрыми мудр,

между воинственными воинствен и, сколько бы золота или других драгоценностей ни захватывал, отдавал все без остатка воинам. И среди всех народов распространилась слава о нем, и троянцы начали стекаться к нему, умоляя, чтобы он их возглавил в борьбе за избавление от рабства. Они утверждали, что это легкодостижимо, ибо численность их в стране многократно выросла, так что их ныне насчитывается семь тысяч, исключая малых детей и женщин. Кроме того, в Греции пребывает благороднейший юноша по имени Ассарак², который сочувствует им, ибо мать у него троянка, и возлагает на них величайшие надежды, считая, что с их помощью он сможет противостоять угнетениям греков. Его собственный брат оспаривал у него три крепости, которые подарил ему, умирая, отец. Этот брат вознамерился отнять их у Ассарака на том основании, что тот был рожден от наложницы; сам же он был грек и по отцу, и по матери и по этой причине привлек царя и остальных греков на свою сторону.

Убедившись, что у Ассарака изрядное число воинов, и обзрев его крепости, открытые перед ним для осмотра, Брут увереннее уступил настояниям троянцев.

8. Итак, поставленный над ними вождем, он созывает отовсюду троянцев и укрепляет города Ассарака. Затем он с Ассараком и со всем множеством последовавших за ними мужчин и женщин занимает поросшие лесами горные склоны. Оттуда он направил царю следующее послание:

«Пандраса, царя греков, приветствует Брут, вождь последних уцелевших троянцев.

Так как было жестокой несправедливостью обращаться в царстве твоём с народом, происходящим от преславного колена Дарданова¹, по-иному, чем того требовала ничем не запятнанная знатность его, он укрылся в лесной глуши. Он предпочел кормиться, подобно зверям, мясом и травами, наслаждаясь свободой, чем, улажая себя

всевозможными яствами, оставаться и впредь поработенным тобою. Если сказанное оскорбляет величие твоей мощи, то вину за это нельзя возлагать на нас, — напротив, нас должно понять и простить, ибо всякому узнику свойственно стремление возвратить себе бывшее достоинство. Итак, проникшись к нам милосердием, соблаговоли даровать нам утраченную свободу и дозвожь, чтобы мы обитали в лесах, которые заняли, желая сбросить с себя ярмо рабства. В противном случае снизойди хотя бы к тому, чтобы мы, с твоего разрешения, беспрепятственно удалились к чужеземным народам».

9. Пандрас, однако, ознакомившись с этим посланием, чрезвычайно подивился тому, что те, кого он почитал своими рабами, прониклись столь великой дерзостью, что обращаются к нему с подобными требованиями. Созвав на совет своих приближенных, он принял решение собрать войско, дабы покарать беглецов. Но когда проходил через город Спаратин¹ в глухие места, где, как он полагал, укрывались троянцы, с тремя тысячами воинов выступил Брут и внезапно напал на ничего не опасавшегося Пандраса. Ибо, услышав о приближении царского войска, Брут вошел предыдущею ночью в названный город, чтобы напасть врасплох на дурно вооруженных и беспорядочно двигавшихся врагов. И вот, устремившись на них, троянцы яростно кидаются в бой и стараются их одолеть. Греки, сразу смешавшись, разбегаются во все стороны и во главе со своим царем торопятся переправиться через протекавшую поблизости реку Акалон². Но, переправляясь через нее, попадают в стремнину и терпят превеликое бедствие. Бегущих врагов настигает Брут и истребляет настигнутых, частью в волнах, частью на берегу, тесня их везде и радуясь их гибели и в воде, и на суше.

Заметив это, безмерно опечаленный Антигон, брат Пандраса, удержал своих дрогнувших воинов и, собрав их в отряд, стремительно бросился на все более жесто-

чающихся троянцев: он почитал за лучшее погибнуть, сопротивляясь, чем, обратившись в позорное бегство, утонуть в илистых омутах. Итак, наступая сомкнутым строем, он увещевает своих сотоварищей мужественно сопротивляться и изо всех сил сражается смертоносным оружием. Но от этого ему было немного, а то и вовсе никакой пользы, ибо троянцев защищали доспехи, тогда как на его людях их не было. Итак, наиболее отважные из воинов Антигона упорно дрались, нанося ничтожные потери врагам, но так и не смогли их сломить; они были почти полностью перебиты, Антигон и его друг Анаклет захвачены в плен.

10. Одержав решительную победу, Брут укрепил оборону города, оставив в нем шестьсот воинов, и двинулся в глушь лесов, где троянский простой народ был преисполнен надежды, что он его защитит. А Пандрас, удрученный своим бегством и пленением брата, той же ночью постарался собрать своих разбежавшихся кто куда воинов и на заре нового дня подошел с вновь собранным войском к городу, дабы его осадить. Он считал, что здесь заперся Брут и тут же находятся Антигон и остальные пленные. Итак, подступив к стенам крепости и обследовав ее местоположение, он распределил свое войско на несколько отрядов и расставил их повсюду вокруг города. Он также распорядился, чтобы одни из них препятствовали осажденным выйти из города, другие занимались отведением рек в новые русла, третьи частыми ударами таранов и других стенобитных орудий рушили кладку городских стен. Беспрекословно выполняя царские повеления, осаждающие стремились нанести осажденным как можно больший урон. С наступлением ночи были отобраны те, кто выдавался своею отвагой, и им было приказано стеречь от внезапного нападения лагерь и внутри его шатры воинов, пока те, истомленные дневными трудами, будут покоиться в них, погруженные в сон.

11. Но осажденные, стоя на возвышении стен, стараются изо всех сил противопоставить свои ухищрения ухищрениям неприятеля и, осыпая его то дротиками, то пылающими серными факелами, сражаются, защищая себя в едином порыве. Однако, когда враги, построившись черепахой¹, стали подрывать крепостную стену, а также принялись забрасывать осажденных греческим огнем² и обливать их кипящей водой, тем пришлось податься назад. Наконец, истощенные недостатком съестных припасов и истомленные ежедневными схватками, они отправили к Бруту гонца, умоляя его поспешить им на помощь. Ведь они опасались, как бы им, доведенным до полного истощения, не пришлось оставить противнику город. Брут, всем сердцем желая их выручить, мучился сомнениями, ибо не располагал таким числом воинов, какое требовалось для сражения в поле. И вот он надумал, применив хитрость, проникнуть глухой ночью в неприятельский лагерь и, обманув часовых, перебить объятых сном вражеских воинов. Но так как он понимал, что это невыполнимо без согласия и помощи кого-либо из греков, он призвал к себе Анаклета, друга Антигона, и, обнажив меч, сказал ему так: «Достославный юноша, и тебе, и Антигону придет конец, если ты не согласишься в точности выполнить мою волю в том, что я тебе предпишу. Я хочу этой ночью проникнуть в греческий лагерь, дабы неожиданно учинить в нем побоище. Но я опасюсь, как бы несущие стражу, распознав нашу уловку, не помешали осуществлению моего замысла. И так как при таком обороте дела пришлось бы прежде сразиться с ними, я желал бы при твоём участии их обмануть, чтобы увереннее напасть на всех остальных. Ты же, умело выполняя мое поручение, отправившись во втором часу пополуночи в стан осаждающих и усыпив кого-либо из них лживыми уверениями, скажешь ему, что извлек из моей темницы и привел с собой Антигона и, укрыв в кустах, оставил

его в долине возле лесной опушки, ибо идти далее он не в силах, так как его движениям мешают ножные кандалы. Затем ты поведешь обманутых тобою туда, где начинается лес, как будто затем, чтобы они помогли Антигону, а я прибуду туда же с вооруженными воинами, готовый умертвить завлеченных тобою греков».

12. Видя перед собой меч, готовый его поразить, Анаклет, охваченный страхом, пока произносились эти слова, клятвенно обещал исполнить приказание Брута, если ему и Антигону будет дарована жизнь. Итак, по заключении этого договора Анаклет во втором часу ночи направился по указанному ему пути к стану осаждающих. Приблизившись к лагерю, он наткнулся на затаившихся в укрытиях часовых, которые стали его допрашивать, чего ради он здесь оказался и не проник ли сюда как лазутчик. Он же, притворившись, что безмерно обрадован встречей с ними, ответил им так: «Я пришел сюда отнюдь не как предатель моего народа, но потому, что, ускользнув из темницы троянцев, пробрался к вам умолять отправиться вместе со мною к вашему Антигону, вырванному мной из заточения, в котором он томился у Брута. Но так как Антигон обессилел от тяжелых ножных кандалов, я оставил его, притаившегося в кустах, на опушке леса недалеко отсюда, а сам устремился на розыски кого-либо из вас, чтобы привести к нему тех, кто бы его избавил от них». Часовых, однако, одолевали сомнения, правдив ли его рассказ, но тут подошел один человек, которому он был знаком и который, поздоровавшись с ним, сообщил своим сотоварищам, кто он такой. И они, несколько после этого не колеблясь, поспешно призвали своих отсутствовавших товарищей и все вместе последовали за ним до лесной опушки, где, как он утверждал, скрывается Антигон. И пока они продвигались среди кустов, неожиданно-негаданно появляется Брут с толпой вооруженных и, кинувшись на пришедших с Анаклетом и сразу же охваченных страхом греков, учиняет беспощадное их избиение.

После этого он продвинулся к лагерю осаждающих и тут разделил своих воинов на отряды, чтобы каждый из них, остерегаясь выдать себя и не поднимая шума, проник в назначенную ему часть лагеря и, оказавшись там, выдерживался от открытого нападения, пока он сам со своими людьми не захватит царский шатер, о чем оповестит их рожком.

13. Кроме того, он им дал наставление, как именно им следует действовать, после этого воины стали потихоньку проникать во вражеский лагерь и, притаившись в указанных им местах, начали ждать условного знака. И Брут не замедлил его подать, очутившись перед шатром Пандраса, куда он жаждал ворваться. Услышав рожок, все сразу же обнажают мечи, вбегают в палатки и кидаются к ломам спящих¹. Троянцы без передышки осыпают их несущими смерть ударами, не щадя никого, и обходят весь лагерь, оставляя за собой груды трупов. От стонов умирающих пробуждаются все остальные и, увидев возле себя забрызганных кровью убийц, цепенеют от ужаса, словно овцы, захваченные врасплох волками. Никто из греков не надеялся на спасение, так как у них не было ни времени, ни возможности взяться за оружие или даже броситься в бегство. Безоружные среди вооруженных, они устремляются туда, куда их гонит неприятельский натиск, но отовсюду на них кидаются враги, беспощадно их уничтожая. Кому полуживому удавалось ускользнуть от вражеского меча, тот из-за торопливости, порожденной безудержным стремлением поскорее уйти от опасности, разбивался на скалах или находил себе гибель в чаще кустарника, испуская дух вместе с вытекавшей из тела кровью. Иной, прикрытый только щитом или каким-либо другим доспехом и подгоняемый страхом смерти, наткнулся на те же скалы и, торопясь найти для себя укрытие, падал во мраке ночи и при падении ломал себе руки или ноги. С кем не случилось подобного, тот, не зная,

куда пуститься бежать, тонул в текущих поблизости речках. Едва ли кто-либо выбрался отсюда совсем невредимым, не испытав каких-нибудь бедствий. Горожане, узнав о прибытии своих соплеменников, высыпали за крепостные стены и этим только усугубили происходившее кровопролитие.

14. А Брут, добравшись, как сказано выше, до царского шатра, сохранил жизнь захваченному царю и не замедлил заковать его в цепи. Он полагал, что, оставив царя в живых, достигнет большего, чем если его умертвит, и добьется того, чего страстно желал. Между тем возглавляемый им отряд не прекращал уничтожать врагов, так что ту часть лагеря, которая досталась на его долю, он полностью истребил и опустошил. За этим делом его воины провели целую ночь, а когда с первым светом зари открылось, сколько полегло тут народу, Брут, исполненный величайшего ликования, дозволил своим сотоварищам на поле битвы обирать трупы погибших, сколько им вздумается. Затем он вместе с плененным царем вступает в город, намереваясь дождаться, когда победители распределят между собой захваченную вражескую казну. После того как с этим было покончено, он восстановил крепость и повелел предать погребению мертвых. Вслед за чем, собрав вместе свои отряды, отвел их в леса, торжествуя победу, которая наполнила души всех ликованием. Тут преславный вождь созвал старших годами и обратился с вопросом к ним, что, по их мнению, следует потребовать от Пандраса, ибо, пребывая в их власти, тот уступит любому их требованию, лишь бы ему дали свободу. Но они, руководствуясь различными побуждениями, выражали различные пожелания, причем иные советовали потребовать от царя часть его царства, дабы в ней поселиться, тогда как другие — дозволения уйти из его пределов, захватив с собою все, что может понадобиться в пути. Так как они долгое время не могли преодолеть свои

разногласия, поднялся один из них, по имени Мемприций, и, испросив тишины, сказал слушавшим его так: «Что же вы колеблетесь, достопочтенные старцы, не решаясь выбрать то, чего, как я полагаю, требует ваше благо? Если вы хотите для себя и для ваших потомков вечного мира, нужно истребовать от царя лишь одного, а именно дозволения покинуть его владения. Ибо, если вы оставите жизнь Пандрасу, заключив с ним договор о предоставлении вам части Греции и пожелав остаться среди данайцев, вы никоим образом не сможете наслаждаться длительным миром, ибо братья, сыновья, племянники тех, кого вы вчера обрекли на гибель, будут жить вперемешку с вами или окажутся соседями вашими. Неизменно памятуя о гибели своих родичей, они будут питать к вам вечную ненависть и, раздраженные даже какой-либо безделицей, постоянно стремиться вам отомстить, тогда как вы, располагая меньшим числом людей, не будете обладать достаточной силой, чтобы противостоять стольким недругам. А уж если дело дойдет до открытого столкновения, то тут их численность с каждым днем станет возрастать, тогда как ваша — неминуемо уменьшаться. Итак, я почитаю за лучшее, чтобы вы потребовали у царя его первородную дочь, которую зовут Инногеной, предназначив ее нашему вождю в жены, а вместе с нею золото и серебро, корабли и зерно и все то, что будет необходимо нам в нашем странствии. И если нам удастся добиться этого, мы с царского дозволения отправимся искать пристанища среди других народов».

15. После того как этими и подобными им словами он закончил свою речь к соплеменникам, все они выразили ему свое одобрение и стали настойчиво домогаться, чтоб Пандраса поставили перед ними и, буде он не примет их требований, предали самой мучительной смерти. Немедленно царя привели и поставили на помост, возвышавшийся над всеми присутствовавшими, после чего ему

объявили, каким пыткам он будет подвергнут, если не выполнит того, что ему прикажут. На это он ответил следующим образом: «Так как враждебные боги предали в ваши руки и меня, и брата моего Антигона, мне надлежит подчиниться вашему требованию, дабы мы не лишились жизни, если бы вам довелось выслушать наш отказ, — ведь в вашей власти сохранить ее нам или отнять. Но ведь нет, по-моему, ничего драгоценнее жизни, ничего сладостнее, и неудивительно, что я готов отдать за нее все, что ее сохранит. И хотя мне не по сердцу повиноваться вашим приказам, я нахожу для себя утешение в том, что отдаю мою дочь в жены юноше столь великой доблести, который, как указывает его несомненное, проявляющееся во всем благородство, а также гласит известная молва, происходит из рода Приама¹ и Анхиза². Ведь какой иной троянский изгнанник мог бы вызволить из оков рабства столь многих и столь великих мужей? Кто вместе с ними мог бы оказать сопротивление царю греков или со столь малыми силами вступить в бой с таким множеством вооруженных и в сражении одолеть и захватить в плен их царя? Итак, раз столь выдающийся юноша смог столь доблестно противоборствовать мне, я отдаю ему мою дочь Инногену, отдаю золото и серебро, корабли, зерно, вино и оливковое масло и все то, что, по вашему разумению, вам понадобится в пути. Но если, отказавшись от первоначального замысла, вы пожелаете остаться с греками, я предоставлю вам для заселения третью часть моего царства. Буде все же вы на это не согласитесь, я на деле осуществлю мои обещания и, чтобы вы в этом не сомневались, останусь у вас заложником, пока не исполню всего».

По заключении этого соглашения победители отправляют гонцов по всему побережью Греции, дабы собрать корабли. После того как они были собраны в числе трехсот четырнадцати, на них грузят всякого рода съестные

припасы. Дочь Пандраса выдают замуж за Брута. И, как того требовало присущее ей высокое положение, царь одаряет ее золотом и серебром. По завершении всех этих дел царю возвращают свободу, а троянцы с попутным ветром отплывают из его государства. Инногена, стоя на возвышающейся над всем кораблем корме, не раз лишалась чувств на руках у Брута; она горько рыдала, проливая потоки слез и скорбя, что покидает родных и родину, и не отводила от берега глаз, пока он был виден. Брут старался ее успокоить, расточая ей ласки; то он сжимал ее в горячих объятиях, то дарил ей горячие поцелуи и не отступался от этого до тех пор, пока ее, истомленную долгим плачем, не одолел благодатный сон.

16. Тем временем задули попутные ветры, и через два дня и одну ночь они подошли к одному острову, носящему название Леогегция¹, и пристали к нему. Этот остров в давние времена был разорен морскими разбойниками, и с той поры никто не селился на нем. Дабы разведать, нет ли там все же каких-либо жителей, Брут направил туда триста воинов. Не найдя на острове ни души, они убили в лесах и на горных склонах повстречавшихся им различных диких зверей. Они набрали также на какой-то безлюдный город, где обнаружили храм Дианы², в котором изваяние богини снисходило к ответам, если кто решался его о чем-либо спросить. Неся на себе добытую дичь, троянцы возвращаются к кораблям и сообщают своим сотоварищам, каковы этот остров и город на нем. Они принялись убеждать вождя посетить храм и, поднеся дары, спросить божество этого места, какая земля доставит им надежное пристанище. И так как это предложение было одобрено всеми, Брут, взяв с собой прорицателя Герiona и двенадцать старейших возрастом, отправился к храму со всем необходимым для жертвоприношения. Прибыв туда, они, обернув вокруг головы повязки³, сложили по старинному обычаю перед входом в святилище три очага, предназначенные для трех божеств⁴, а именно

для Юпитера, Меркурия и Дианы, и каждое из них почтили подобающей ему жертвой. Стоя у жертвенника богини и держа в правой руке священную чашу, полную вина и крови белоснежной оленухи, сам Брут, подняв лицо к изваянию божества, нарушил молчание следующими словами:

Дебрей богиня лесных, вепрей дубравных погибель,
Коей открыты пути в темных просторах небес,
В безднах подземных миров! Открой нам судьбы изволение:
В землях каких обитать ныне ты нам повелишь?
Место такое назначь, где вечно чтить тебя буду,
Дев хороводы ходить будут вокруг храмов твоих.

Повторив это девять раз сряду, он четырежды обошел вокруг алтаря, вылив вино из чаши в огонь, после этого он возлег на шкуре оленухи, разостлав ее у подножия алтаря. Затем, уступив одолевшей его дремоте, он наконец уснул. Шел тогда третий ночной час, когда смертных сковывает целительный сон. И Бруту привиделось, будто богиня стоит перед ним и вещает:

Там, где солнца закат, о Брут, за царствами галлов,
Средь Океана лежит остров, водой окружен.
Остров тот средь зыбей гигантами был обитаем,
Пуст он ныне и ждет, чтоб заселили его
Люди твои; поспеши — и незыблемой станет твердыней,
Трою вторую в нем дети твои обретут.
Здесь от потомков твоих народятся цари, и подвластен
Будет этим царям круг весь земной и морской.

Пробужденный этим видением, вождь усомнился, был ли то сон, или живая богиня указала страну, куда надлежит отплыть. Собрав своих сотоварищей, он подробно рассказал им обо всем, что приключилось с ним спящим.

17. Проникшись бесконечною радостью, все увещавают его вернуться на корабли и, пока ветер благоприятствует, как можно поспешнее направиться под парусами на запад, на поиски предуказанного богинею острова.

И, нимало не мешкая, они возвращаются к остальным своим сотоварищам и выходят в открытое море. Пробороздив водную гладь, путники после тридцатидневного плавания достигли берегов Африки, все еще не зная, куда обратить носы своих кораблей. Затем они подошли к Алтарям Филистимлян и к Озеру Солеварен и проплыли мимо областей Руссиады и гор Азары¹. Тут странники подверглись величайшей опасности, так как на них напали морские разбойники. Одержав, однако, над ними победу, они обогатились их добычей и награбленным ими. Переправившись затем через реку Мальва², они пристали к берегам Мавритании³. Побуждаемые нехваткой продовольствия и питьевой воды, троянцы сошли с кораблей и, разбившись на отряды, опустошили эту страну от края до края. Нагрузив захваченным свои корабли, они направились к Геркулесовым столбам⁴, и здесь перед ними предстали морские чудища, именуемые сиренами⁵, которые, окружив корабли, едва их не утопили. Они все же ускользнули от них и вошли в Тирренское море⁶. Здесь на самом побережье наткнулись они на четыре колена потомков троянских изгнанников, бежавших вместе с Антенором⁷ из Трои. Их вождь, прозывавшийся Коринеем⁸, муж скромный, благоразумный и проницательный, отличался выдающейся доблестью и такой же отвагой. И если ему случалось встретиться в единоборстве с каким-либо гигантом, он одолевал его с такой легкостью, словно тот был еще неокрепшим мальчиком. Установив общность происхождения и древность своего родства с местными жителями, новоприбывшие объединились с Коринеем и возглавляемым им народом, который по имени своего вождя впоследствии стал называться корнубиями и во всех битвах и стычках Брута неизменно, прежде других, оказывал ему помощь. Затем они все прибыли в Аквитанию⁹ и, войдя в устье Лигера¹⁰, бросили там якоря. Здесь они провели неделю и разведали, как расположено это королевство.

18. Правил тогда в Аквитании Гоффарий Пикт¹, король этой страны. Когда до него дошла весть об иноземцах, которые на множестве кораблей прибыли в пределы его государства, он послал к ним гонцов, дабы те их спросили, привезли ли они с собой мир или войну. Королевские гонцы, направляясь на розыски чужестранного флота, встретили Коринея, который сошел на сушу с двумястами мужей, дабы поохотиться в чаще лесов. Вступив с ним в разговор, гонцы обратились к нему с вопросом, с чьего разрешения он проник в королевские рощи и убивает тут дичь. Ведь издавна установлено, что никто не смеет ее поражать без особого повеления государя. На это Кориней им ответил, что никому ничего разрешения на охоту вовсе не требуется, и один из королевских гонцов, по имени Имберт, раздраженный услышанным, бросился на Коринея и из изогнутого своего лука выпустил, метя в него, стрелу. Кориней от нее уклонился, стремительно подскочил к Имберту и его же луком размозжил ему голову. Остальные же аквитанцы сразу же разбежались, едва ускользнув от руки Коринея, и сообщили Гоффарию об убийстве его приближенного. Опечаленный вождь пиктавов немедленно собрал огромное войско, дабы отомстить за смерть своего посла. А Брут, узнав о подходе этого войска, укрепляет свои корабли и, повелев, чтобы женщины и малые дети оставались на них, сам со всеми теми, кто полон сил, выступает навстречу врагу.

Наконец оба войска сошлись, и началась жестокая сеча. И когда уже бóльшая половина дня миновала во взаимном смертоубийстве, Кориней ощутил стыд, что аквитанцы все еще продолжают отчаянно сопротивляться, а троянцы все не могут их победить. И вот, преисполнившись доблести, он увлек своих на правую сторону поля сражения и, составив отряд, учинил стремительный натиск на неприятеля и, ворвавшись в гущу врагов сомкнутым строем, не переставал их разить, пока со своими проникшими в тыл неприятеля воинами не принудил его

обратиться в бегство. После потери меча в сумятице боя Фортуна снабдила Коринея обоюдоострой секирой, которую всякого, до кого мог дотянуться, он разрубал надвое сверху донизу. Отваге и доблести этого мужа дивился Брут, дивились подчиненные Коринея, дивились также враги. А он, потрясая секирой перед толпою бегущих, наименьший ужас сеял в них такими словами: «Куда вы бежите, трусы? Куда бежите, слабые духом? Вернитесь, о вернитесь и сразитесь один на один с Коринеем! О позор! Столь многие тысячи бегут от меня одного! Впрочем, пусть оправданием вашего бегства послужит то, что вас преследую я, Кориней, который столько раз неизменно обращал в бегство тирренских гигантов, который множество раз низвергал их в Таргар».

Услышав это, оборачивается некий военачальник врагов по имени Сугард и, ведя за собой триста воинов, бросается на Коринея, но тот, прикрывшись щитом от его удара и не забыв о секире, которой был вооружен, но размахнувшись ею, обрушил ее на верхушку шлема Сугарда и надвое разрубил оглушенного противника сверху донизу. Устремившись вслед за тем и на других его воинов, он принимается вращать своею секирой и, беспощадно их истребляя, неумоимо носится между ними и, уклоняясь от направленных на него ударов, не перестает поражать врагов: иному вместе с кистью отрубает он руку, иному отделяет лопатки от туловища, иному одним ударом сносит голову с плеч, иному отсекает голени со ступнями. Все бросаются на него одного, а он один на них всех. Увидев происходящее, Брут, движимый любовью к этому доблестному мужу, спешит с отрядом к нему на помощь. И тут начинают раздаваться крики на разных наречиях, здесь наносятся частые удары мечами, здесь обе стороны яростно истребляют друг друга. Вскоре, однако, троянцы одерживают решительную победу и обращают в бегство короля Гоффария вместе с его пиктавами.

19. Едва уйдя от погони, тот посетил различные области Галлии, дабы обеспечить себе поддержку родни и друзей. В то время в Галлии было двенадцать королей, правивших независимо друг от друга. Благожелательно встретив Гоффария, они единодушно обещают ему изгнать из пределов Аквитании вторгшихся в нее чужеземцев. А Брут, обрадованный описанной выше победой, одаряет сотоварищей доспехами павших и, одарив, снова объединяет их в отряды, после чего ведет за собой по стране, чтобы, перебив ее обитателей, заполнить свои корабли их богатствами. Горящими головнями Брут поджигает со всех сторон их города и извлекает укрытые там в тайниках сокровища; он также опустошает поля, безжалостно истребляет знатных и простой люд, стремясь уничтожить несчастный народ до последнего человека. И вот, намереваясь подвергнуть подобному разорению почти всю Аквитанию, он прибывает в то место, где теперь расположен город Туронов¹, который, как свидетельствует Гомер, он позднее выстроил. И так как местность показалась ему подходящей для основания укрепления, он здесь разбивает для себя лагерь, чтобы в случае нужды в нем можно было укрыться. Надо сказать, что его тревожили опасения, как бы сюда не явился Гоффарий в сопровождении королей и галльских военачальников с огромным числом вооруженных, дабы вступить с ним в сражение. Покончив с разбивкой лагеря, он прождал тут Гоффария двое суток, уповая на свою рассудительность и на отвагу бывшей у него в подчинении молодежи.

20. А Гоффарий, получая известия о пребывании на его землях троянцев, не прекращал двигаться ни ночью ни днем, пока не увидел поблизости лагерь Брута. Заметив над ним тревожное зарево, он, слегка усмехнувшись, разразился такими словами: «О горестная судьба! Бездвестные беглецы расположились лагерем в моем королевстве! Вооружайтесь, мужи, вооружайтесь и наступайте на врага сомкнутыми рядами! Еще немного, и мы захватим

евнухов этих, словно овец, и распродадим схваченных по всему нашему королевству».

Итак, все, кого он с собою привел, облеклись в доспехи и вооружились и, разделенные на двенадцать сильных отрядов, начали наступать на врагов. Навстречу им, расставив своих в должном порядке, бесстрашно устремляется Брут, заранее указав своим воинам, как им надлежит действовать, каким образом нападать и обороняться. В разразившейся схватке сначала возобладали троянцы, учинившие врагам жесточайшее избиение. Тех пало тогда около двух тысяч. Остальные, как бы совсем обезумев от страха, ударились в бегство. Но успех в конце концов обычно приходит к тому, у кого больше людей. И вот галлы, располагая тройным превосходством в воинах, хотя вначале и понесли поражение, придя в себя и собравшись с силами, отовсюду устремляются на троянцев и, одолев их, заставляют укрыться в лагере. Одержав победу, они обложили лагерь осадой, решив не уходить до тех пор, пока загнанные в него не подставят свои шеи для рабских цепей либо погибнут там в невыносимых мучениях, изнуренные длительным голодом.

Между тем следующей ночью Кориней и Брут устроили совещание, причем первый из них заявил, что хочет этой же ночью, отыскав какую-либо лазейку, выйти из лагеря и притаиться до наступления дня в близлежащем лесу; когда же Брут выступит на рассвете, чтобы сразиться с врагами, он, Кориней, со своими воинами кинется на неприятеля с тылу и вступит с ним в схватку. Этот замысел Кориней пришелся по душе Бруту. А тот, искусно выполняя свое намерение, вышел из лагеря с тремя тысячами воинов и укрылся в чаще лесов. Когда занялся следующий день, Брут распределил своих сотоварищей по отрядам и, открыв лагерные ворота, выступает готовый к бою. Немедленно на него кидаются галлы и затевают с ним битву. С обеих сторон погибают многие тысячи мужей, нанося смертельные раны друг другу, ибо здесь

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ БРИТТОВ. <i>Перевод А. Бобовича</i>	5
ЖИЗНЬ МЕРЛИНА. <i>Перевод С. Ошерова</i>	231
ДОПОЛНЕНИЯ	
<i>Ненний</i> . История бриттов. <i>Перевод А. Бобовича</i>	285
<i>Мадок из Эдейрна</i> . На сочинение Гальфрида <i>Перевод С. Ошерова</i>	322
ПРИЛОЖЕНИЯ	
<i>А. Д. Михайлов</i> . Книга Гальфрида Монмутского и ее судьба	325
Примечания. <i>А. С. Бобович, М. А. Бобович</i>	377